

{ ЛЕТЯЖЕСТЬ }

«Пришла зима, похожая
на восемь. С половиной».

Владимир СОРОКИН,
писатель

лауреат премии «Триумф»

ИНГА КУЗНЕЦОВА

Инга Анатольевна Кузнецова

Летяжесть

Серия «Поэтическое время»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42393722

И. Кузнецова. Летяжесть: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-115402-8

Аннотация

Человек расстёгивает тело – этот бежевый скафандр, – переступает через смятые складки и выходит на улицу. Отпирает дверцу в прозрачной груди – и оттуда вылетают образы, неожиданные, как во сне. Яркие, как в синема. Они движутся прямо на нас. Срабатывает эффект «Приближения поезда» братьев Люмьер, но мы хотим испытать это – и не уклоняемся. Мы хотим видеть, слышать, осязать дикое нашествие смыслов и существ. Мир становится отчётливей. Срабатывают законы чудесного. Это радикальное воздействие красоты. Это сюрреализм на великолепном русском. Это ЛЕТЯЖЕСТЬ.

Инга Кузнецова – поэт. Лауреат премий «Триумф» и «Московский счёт». Автор пяти поэтических книг и культового романа «Пэчворк». Стихи переведены на восемь языков. Звучали со сцены МХАТ им. Чехова в проектах «Круг чтения» и «Book Wings».

«Пришла зима, похожа на восемь. С половиной».

Владимир СОРОКИН, писатель

«Мне нравится эта поэзия».

Ларс фон ТРИЕР, кинорежиссёр

«Мне так нравятся стихи Инги Кузнецовой! Такие мощные и такие необычные».

Марина БРУСНИКИНА, театральный режиссёр

Содержание

Летяжесть	6
Артериальное «А»	6
Музыка для сентября	12
Летяжесть	15
1. Каждый охотник	15
2. Сердце-батут	16
3. Съёмка без штатива	17
4. Нет будущего	20
5. Тёмное стекло	23
6. Плоская пуговица	29
7. Сигнал непрерывного взлёта	32
8. Замша и дым	35
9. Счастлива выбежать	39
10. На грубом свету	41
11. Тело-валежник	42
12. Служба спасения символов	44
13. Выставки ржавого лета	48
14. На лаковых шарнирах	53
15. Не стихи	55
А мы зачем-то	57
Сны-синицы	83
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Инга Кузнецова

Летяжесть

© Текст. Инга Кузнецова, 2019

© Фото. Евгений Мохорёв, 2019

© Фото. Александр Воробьёв, 2019

© Фото. Екатерина Богданова, 2019

© Фото. Сергей Мшвилдадзе, 2019

© Оформление ООО «Издательство АСТ»

*** * ***

Летяжесть

Артериальное «А»

* * *

выходит смерть как девочка из комы
а жизнь искома
выходит жизнь под маскою софокла
и бьются стёкла
выходят конь в пальто и лошадь в джинсах
из дилижанса
выходит смех как пот и ужас горлом
и гаснет город
выходит текст по логике ошибки
в другое тело
выходит сад навстречу облетелый
иди и переделай

* * *

шум исчез но в воздухе остались

образы дыхания и дым
солнце в шелухе что твой физалис
метафизик физика эдем

синема намазывай на веки
каждая душа кароль буке
завязь тела только занавески
лепесток запутался в шнурке

здесь легко но не смогу обнять вас
электроны в этом не вольна
без остатка не делима на два
не война

* * *

если у вас
что-то осталось ко мне
торопитесь возлюбленные
листья мужчины цветы
ласточки книги пылящиеся на окне
лисы младенцы
женщины
с вашим «ты»
нежность обиды
солнечные лучи

поторапливайтесь просочиться
между ресниц
схлопнутых
раз возница
уже возник
на горизонте
его не мыслю
я правда тростник

* * *

я тёмный угорь памяти на дне
интеллигибель... гибельного моря
я это понимаю не вполне

но синева ведь тоже темнота
чудесна глубиною состоянья
я штрих черта не вижу ни черта

как странна математика миров
перетекает всё одно в другое
не ухватиться за чешуйки слов

но вот вода подсветка глубина
какая разница я линия ли рыба
я говорю я движусь и спасибо

* * *

кричу своё артериальное А
а думала что всё а думала что всё
тебе не обязательно отвечать своё синее Б
раз с лёгкостью впитываешься в тело
как лосьон
безумия
ты припорашиваешь мне лицо
точно пыль
точно синий снег
ты прихорашиваешь мне лицо
ты дóрог
ты это пыль дорог
что ни скажу всё будет правдой
всё будет так всё будет так
куда ни пойду
обрыв ли овраг ли цветущий луг
всё будет космоса праздничный фрак
бархатный мрак

* * *

скажу тебе как стрекоза

недальновидно стекловатно
фасетки вымочив в слезах
скажу приватно прикроватно
что всё бессмысленно нельзя
свидетель лампочка в сто ватт но
есть что-то лётное и за
есть что-то путное и вне
скажу тебе как муравей но
когда с другими наравне
потацишь смерть благоговейно
когда ты справишься вполне
я побегу узкоколейно
колени сбито тихо мне
скажу тебе как махаон
как чжуан-цзы что засыпает
как энтомолога флакон
как хаос мглы как мгла слепая
как лепота как суть любая
что проявляется сквозь сон
как звон который вышел вон

* * *

теплолюбивое растение звезда
теряет осенью багряный свой прикид
а теплокровное животное судьба

теряет почерк и под окнами стоит
и хладнокровный чей-то диплодок
идёт за дворником и тянет поводок

влаготочивое животное стыда
течёт как стёкла и дрожит как провода
оно без повода без просыпа без дна
оно начальное ничто и белизна
а теплокровное животное стоит
его обнюхивая думая подвид

и прихотливое растение судьбы
что из растресканной пробилося скорлупы
и неизвестная молекула любви
что кувыркается в растворе кислоты
и мудрый дворник и печальный диплодок
всё существует
я разрежу поводок

Музыка для сентября

1

напишу стихотворение
висящее на волоске
выбегающее из поля зрения
рассыпающееся в руке
такое же как я
блошинный рынок «я»
в твоей руке
все объекты здесь рассыпаются
не могу быть с тобой
не могу быть тобой
узколиственная труха меж пальцев
длинные волосы
голос
гобой

2

выращиваю белый цветок
чёрной меланхолии
белый ветер
чёрная земля
научите как превращать
буквы в молчанье
линии в промежутки

тьнь в человека

3

когда с моей шеи
сорвались и канули
застывшие в солнце
времена
со всей высоты
спешащей беспомощности
подбирала осколки
в траве
главное в них
беспечность инклюзов
никому уже
не найти
всё остальное
можно понять
можно подняться
и в путь

4

чёрная меланхолия
прокатывается под веками
кожею ворсяной
не говори со мной
чёрная меланхолия
жирная как земля
под гусеницами трактора

ржавеющего у тракта
чёрная гусеница
свёрнутая как луна
каждая сторона
обратная сторона

5

глупые птенцы живущие в сердце
не успели вылететь
стучатся клювами в прутья
что-то там пищат
это
праздничная аритмия
чем кормить их не знаю
бабочки вымерли
белые тени
ложатся в жирную землю
всюду
пыльца препинания
на бегу
запятые вдыхаю

Летяжесть

1. Каждый охотник

* * *

и что-то вдруг прозрачно промелькнёт
и станет может быть понятно
как фельдшер-солнце льёт нежнейший йод
на белое на память пятна
пока мы в фокусе в сиреновом поту
бледнеем в тюрьмах застеклённых
у ящерики традиции во рту
уже молчит сверчок влюблённых
когда я растеряюсь как линией
в садах висячих трансценденций
достань мне с полки тело подлинней
и помоги одеться

2. Сердце-батут

* * *

когда кончики волос
ветер развернул к тебе
фикусовые свидетели
прежних любви увяли
саксофонист
попробовал на трубе
а шпион не заметив знака
задумался о провале

когда кончики волос
взлетели к твоей щеке
шорох стал порохом
сырость вошла как рысь
время в предметы
а запах и вкус и риск
стали железом
как браунинг в я-
щике

* * *

кто иглокожен а кто освежѣван тут
не разберёшь когда сердце твое батут
тело подброшено что же жукам трудней
с позвоночником плоским который совсем извне

мы же подпрыгнув почувствуем стержень есть
танцы мои гоу-гоу у позвонков
знай а начнется «апокалипсис здесь»
ложу бронируют по звонку

3. Съёмка без штатива

* * *

что мне делать
возможно бергсона перечитать
всё равно не могу другое не о воде
этот лиственный ливень времени вслух с листа
трудно
но мне всегда
а тебе везде

лето колеблется видя разлом в коре
кто-то бокал безвременья
я же дождь
вот почему тебе застревающим вре-
менно на неизбежном
так чужд бубнѣж

длительности о витальном
когда когда
временно за зрачками стоит вода
речитативом
прением тупика
съёмкою без штатива
без ночника

* * *

что я могу рассказать тебе не выходя
из комнаты
что с гераклитом в сезон дождя
дырявый
я размышляю о глупости невозврата
в тело
о тяжести бреда
о нежности брата
об уксусе нежности

о змеевидном укусе
двухточечном
крови
чернеющей в длинном сосуде

близнец
это даже не обращённое внутрь
зрение
не память сплошная возможных утр
наших
а просто загадочная слепота
слепок последствий зательный
пунктир за предела
брат мой
не видно здесь ни черта
в том-то и дело
красное скапливается в уголках
рваного рта
птица летящая косо
вот что вижу в крошечном
смычок с ненапрянутым волосом
мучает виолончелью
эта печать колёс жирна и
эта печаль колёс и
корень сосны о который споткнёшься
всё

4. Нет будущего

* * *

запелёнутая с ног до головы
в ткань твоего отчуждения что для всех
смотрю со слабой улыбкой на этот кокон похожий на гипс
сквозь веки и струпья листвы

есть такие аллеи куда идти
захватывающе страшно потому как искривлено
риманово пространство во всех направлениях но мне
всё равно

статуя без рук и почти без ног
гуттаперчевая битая падающая изнутри
я плыву по венозным прожилкам антикаррарским смотри
перетаптываюсь снаружи
по миллиметру сдвигаясь к тебе

* * *

говоришь ты со мной или нет
мною выгнутой и прижатой
к небу
зазубно межмирно
ты говоришься

неужели ты согласишься
бесконечному космосу так нужны
свидетельства со стороны

я не знаю
я разрабатываюсь как язык
с короткой уздечкой
но нет ничего невозможного

я знаю что в твёрдом мне надо ещё
утвердиться
а в нежном ещё
распластаться раскрыться растечься

мне нужно естественней всех медитаций
стать

в крайнем случае жилку подрежешь

* * *

ты говорил
что у нас с тобою нет будущего
ел мой рот и говорил
что у нас нет будущего
подбородок
свежевала твоя щетина
да у нас нет будущего
мы были как зяблик и зимородок
и у нас нет будущего
как бесконечно тянулась меж пальцев твоих моя прядь
но у нас нет будущего
я прошу тебя будь таким странным и впредь
а у нас нет будущего
прядь которую ты поправлял и глядел на свечение лба
с такой кротостью силы
а у нас нет будущего
говорил ты всё верно не суть а судьба
да у нас нет будущего
как близко
был безумный твой глаз с темнотой до белка
нет у нас нет будущего
как ты прав эти наносекунды века
а у нас нет будущего

глупо у нас нет прошлого
дико у нас нет будущего
ни у кого нет будущего
будущее фейк

5. Тёмное стекло

* * *

средневековье
у нас под ногтями
мы его вычищаем специальными щётками
но бесполезно
средневековье
у тебя под языком
перекладываем ко мне
и обратно
из средневековья
сплетён мой пояс неверности
средневековьем
подкованы наши лошади
прячущиеся под капотом
средневековье
в сумке твоей подмётной
средневековье

в крупинке соли
свёрнутое прозрачно
средневековые
в темноте полов
в бессоннице
в дубовом запахе
в каждой ране
нанесённой чем-то ручным
и локальным
в каждой трате
абсолютной
в каждом движении
выдуманном стеклодувом
средневековые
редких надежд
витражи удивленья

* * *

если средневековые
ближе чем кажется
если ты возишь его в нагрудном кармане
если в паспорте у тебя
средневековая виза
ты поймёшь
о чём я

снимая мне обувь
ты узнаешь что замша
задубела от соли и смысла
по которым ходила
что сбились подошвы
о краешки моря ли горя

расшнуровывая мне платье
ты поймёшь что такое пена
как бьётся в сетях
узкобёдрая рыба

если вдохнёшь
запах волос то узнаешь
что пустоши необъяснимы

мы будем стоять под деревьями
будем валяться в полях
будем прощаться у камня
десять столетий
я обещаю

* * *

прямохождение

нарушено
уходит день но я
по-прежнему
в башне из донышек-горлышек
от старых сосудов
в три погибели
теряю рассудок

плету рубашку
из волос своих мокрых
приедешь
на стёртую спину
надену
охрана твоя излишня
я здесь
и занозу не выну

качели
из плюща что ползёт по стене
раскачиваются
безнадёжно
ветер крепчает и рвётся ко мне
но видятся мне
лунки с водой
от копыт твоей лошади
что темнеют на охре

* * *

мы пропустили
развилку
средневековые улицы
так грязны
идёшь позвякивая успехами
вычищенное оружие
напоминает тебе о себе
уколом в самое сердце
конечно укол
вполне виртуален
к твоим сапогам
из тиснёной кожи
пристали хвоинки
а я
в деревянных башмаках
(каблуки стучат)
бегу параллельною улицей
купить немного муки
засматриваюсь на лютню
в окне соседней лавки
засматриваюсь на изгородь
увитую пурпурным уже плющом
засматриваюсь на солнце

засматриваюсь на облако
монетка моя выкатывается
в ладонь бродяги
и ты идёшь
где-то линии пересекаются
улицы сходятся
но со сдвигом
ты ввязался уже в передрагу
а я всё смотрю
на облако
в облике воина

* * *

когда я не вижу твоих огней
на той стороне реки
я думаю дело в мерцающей мне
все зрители светляки
и мир то теряется то искрит
то гаснет устав кричать
все вещи рассыпанная печать
бессонница как санскрит
и мне ли её и тебя понимать
и мне ли просить займы
и мне ли ресницами поднимать
уровень тьмы

6. Плоская пуговица

* * *

мы стояли в какой-то панковской подворотне
и я крутила плоскую пуговицу
твоего пиджака
такого клетчатого что он казался мне
расписанием дней
я клонила лицо к укреплённому ватой плечу
и крутила пуговицу
она была как щит
от всех невзгод от которых ты бы меня
может быть не сберёг
и всё кружилось
детская площадка
с облупленной каруселью
скамейки встроенные шатко
среди развалин и расселин
кружилось время и часы
секундомеры светотени
кружились ласточки и псы
прожилки медленных растений
и ленты изначальной тьмы

раскручивались и дрожали
на пуговице этой мы
всё и держали

* * *

проснулась ночью от ужаса
не понимая
кто я и где я
и на каком мы свете
с болью в сердце и со стиснутыми кулаками
как немая
как потерянная идея

как не моя не твоя
вышедшая из тела
и ни к кому не вышедшая идея
заблудившаяся меж мирами
между рамами
бьюсь крапивницей
не долетела

душно душно
оранжево пыльца ложится
— веки твои стеклянны двустворчатый кокон —
на твой сон крещендо

сепия твой хрусталик

не распахивай окон

* * *

страшно сорваться мне с такой высоты
слишком высокое я заняла число
кто мне позволил
слог ударный в стылом «мосты»
или сама по себе выгнутость слов
я уходила и раньше в такие тоннели что
не выбираются из
загораживая обзор
волглое лето твоё промокаемое пальто
не запахивается
лишь подчёркивает абсурд
температура тела ещё пока
измерима но мутирующая рука
не попадает по клавишам
размягчаясь
до плавника

7. Сигнал непрерывного взлёта

* * *

это похоже
на авангардный концерт для скрипки и чего-то там ещё
сначала я солирую
а потом вступает твой оркестр
все инструменты используются необычно
я замолкаю
и в конце концов звучит один треугольник
ты бы использовал и квадратуру круга
но ты молчишь о ней
она звенит по умолчанию

мороз по коже
у каждого слушателя стоящего за плечом
если они идут по пляжу в руках не песок у них а кристал-
лы соли
оркестр – обратная сторона костра
облачно
замок
это уже даже не дольник
но и не верлибр

и друг у друга
мы учимся разному невозможному
когда возможно отчаянье

* * *

жертвоприношение
не так жестоко
как мне казалось в детстве
джаз пожалуй
не так необязателен
как мне казалось в юности
для того
чтобы перейти в другого
нужно сначала совершить добровольное
аутожертвоприношение
положить отрезанную голову
на ноты Баха
вспомнить о партии
несмыкающихся связок
внесмычковой

ю-тьюб закрыт
но фантомная музыка
ещё звучит

* * *

сколько б этот бетховен
ни говорил о судьбе
ничего не понятно
то что кажется звуком
отзвуком смысла тебе
для меня только пятна
путешествие это
почти что сухая вина
по столам проливая
всё что могли бы
поднять со стеклянного дня
эпизодом карвая
перемещаясь
по внутренним площадям
оседая по стенкам
мы прослушаем глухо
каждый другого щадя
думая об оттенках

* * *

сигнал непрерывного взлёта у зябликов

звучит как быстрое рассечение воздуха
портновскими ножницами
to be or not to be
звучит как серия маленьких поцелуев
за ухом
бытие мимолётно
бабочки не моргают
я не могу всё это соединить
в предустановленную гармонию
я не могу всё это соединить
в силлабо-тонику
это нечестно
мы надорвали воздух
шёлк коммуникации
характерный треск

8. Замша и дым

* * *

это волнение сумерек
запах сладкой травы
ветер летящий умер как
всадник без головы
лето ты слепок с небыли

мучаешь красотой
сна ли тоски ли неба ли
я тут как раз никто

* * *

мне снился сон во сне и мой сурок со мною
мне снилась сырость мглы и лепестки весною
мне снился в тексте текст звучал он за спиною

пока тот текст звучал а сердце разрывало
вперёд бежала я сбивая одеяло
всех комковатых мышц откинув одеяло

пока звучала речь летели мне навстречу
и зяблики и дни и рокеры по встречной
и пешеходы тьмы в одежде безупречной

пока бежала я прозрачно разверзаясь
в меня входило всё и набухла завязь
как опухоль миров как благородства зависть

о счастье на свету я думала исчезну
пока тот текст во мне звучит всё будет честно
прозрачно истекать во всех так будет честно

* * *

ты стоял
на такой упругой нитке
натянутой между двух
заострённых игл
продетой в крошечные отверстия
что она казалась волосом
может быть
она и была моим волосом
или голосом
ты стоял
и справа от тебя клубились миры
и слева от тебя клубились
тебе
нужно было сделать только шаг
пройти от уха и до уха
стать услышанным
пройти по-над бездной
молчания
неужели ты думаешь
что я бы тебя не удержала
когда бы ты начал падать
а волос
а голос

пружинить

* * *

ночь

это звуков очешник

замша и гарь

бархат и дым

удивительна листьев прорезка

щедрость теней

о сколько хотим

сколько смежений у век

столько мечется рук

вскрывается рек

ни на кого этот мир не обрѣк

никого

и не бросишь упрѣк

замша и дым

бархат и гарь

оптика фокус фонарь

я собираю

в тело без дна

всё что увижу до нас

9. Счастлива выбежать

* * *

почему бы мне
не отказаться от своей сущности
и не стать тобой
давай попробуем
может быть
у меня и это получится
тогда у тебя
появятся
дополнительные силы
дополнительные мышцы
дополнительные органы
например половые
(а что тут такого)
дополнительные крылья
дополнительная смерть
дополнительное безумие

* * *

счастлива выбежать

уколоться булавочной гордостью галстука
собраться на кончике алой каплей
захлебнуться в самой себе
окрасив твоих ангелов
сбравшихся поговорить
ну и что
пусти
рубашки я не испачкаю
красноволосые ангелы обсуждают рассвет
закрывают тему закатом

* * *

хотела снять голову
и забыть в метро
жалко было волос
что мелі когда-то
улицы мира
хотела снять голову
и повесить в прихожей
как цилиндр
с такими маленькими полями
что из-под них
ничего не увидишь
хотела снять голову
и поставить на стол

как бутылку
в которой вино
свернулось трубочкой
края пожелтели
острова не найдены

10. На грубом свету

* * *

я стеклянный борец с энтропией
за душой у меня число пи
не поможет твоя терапия
не глупи
сколько пятен и звуков и запахов
бьются в жилке смешной у виска
затяну-ка свой шёлковый аховый
этот женственный мозг и пока
всё равно ничего не показано
в этом снильме отсутствует жанр
что ж так дикий артхаус заразен а
как пожар

* * *

кровь запеклась в уголках воспалённого рта
пробовала томатную пасту
ноосферату жертва твоя не чиста
собиралась пропасть
все мыслеформы гаснут на грубом свету
надо успеть
переместить независимости черту
пёс или спесь
кто-то ли что-то спугнёт
утро дымит
ты чёрно-белое фото в ванночке дня
всё проявляется
тикающий динамит
вставлен в меня

11. Тело-валежник

* * *

волны в сердце
а тело уже валежник
друг-бессонница

ты бессовестным лесорубом
обрубаешь руки и ноги
сквозь всё что грубо
молчанья подснежник

надо ли знать
всю правду когда слоями
за мазком пуантель
осыпается вся картина
ночи паранормальны
дни паранояльны
это не может быть долго
как ни крути но

нет ничего смелей
ничего абсурдней
боли фантома
радости абстинента
только крыса
не покидает судно
видевшее континенты

* * *

всё вышло из дождя и всё вернётся в дождь
и есть ли ещё что-то

к чему ты так мучительно идёшь
дождь и зевота

всё вышло из воды и всё вернётся под
мерцающие воды
когда опять мелькнёт реальности испод
не сдерживай зевоты

вот рыба дня вот рыба полусна
вот рыба полуяви
вода нас держит на плаву одна
не рыба я ли

12. Служба спасения символов

*** * ***

сполохи автомобильных огней
длинно под веками
жизнь пунктирна
воображение
непрерывно
тело сжимается
стиснуто ржавыми знаками
речь дискретна

а плавная нежность
противоправна
быть и не быть просто выдох и вдох
как обучение
правде без сна
сну без морганья
зрению без пауз
служба спасения символов я
не имеет значения
твой страховочный
полис
мой страховочный
пояс

* * *

я нашла
все потерянные кольца
все забытые иллюзии
все карнавальные костюмы
все очки с выбитыми стёклами
с отломанными дужками
такие полупенсне
но дужки
так и не нашла
я нашла

все недописанные книги
все донышки и горлышки амфор
все затонувшие корабли
все тополиные катышки
весь прошлогодний снег
все пятилистники сирени
но лекарств от времени
так и не нашла
я нашла
все необходимые слова
все необходимые жесты
всё необходимое молчанье
всю оголтелую решимость
всю отчаянную храбрость
всю растраченную нежность
но убедительного аргумента
так и не нашла

* * *

благодаря тебе
я научилась говорить обо всём
и никто меня не заденет
потому что прежде чем это случится
я об этом скажу
сама

о своей уязвимости
в которой бесконечность

благодаря тебе
я научилась не бояться
не спрессованных высказываний
потому что когда тебе делают
непрямой массаж сердца
упрямые звёзды
нужно только дышать
и больше ничего

благодаря тебе
я окончательно усомнилась в том
что я человек
и это мне интересно
пока
а кто я
не так уж и важно
я в огненном лифте
катаюсь вверх-вниз

благодаря тебе
я могу сказать
не так называемая любовь
не роза упала на лапу азора

а любовь
ну и что
я могу позволить себе
вот так прямо сказать
любовь

13. Выставки ржавого лета

* * *

смотрю на свои синяки
может это от валенок
в которых я поднималась на твою
ледяную гору
на обратном пути
они били меня под коленями
падала и скользила
это я ещё помню

может быть
они остались от тех верёвок
которыми ты меня связывал
чтобы не убежала а впрочем
чтобы как будто хочу убежать
и не могу

а я и так не могу
но ты прав не чулки а силки

может быть
они остались от шёлковых слов
от резких взглядов
ведь так бывает
кто-то только посмотрит
на длинное чужое нежное
и останется
пурпурная полоса
синяя полоса
чёрная полоса

* * *

пустоши
вереск стекла
выставки ржавого лета
этой лестницей
нужно спускаться поосторожней
если бы я могла
я бы как фура где-то
шла
пыльнопустопорожне
но нельзя

я стою в окне не дыша вовне
я сейчас
что-то из фурнитуры мира
если всё правда
если ты был во мне
оставайся
молекулой нашатыря
прямотой эфира

* * *

какая дикая тоска
сжимает счастливое сердце
майкой унисекс

сирена
звучит в терцию
таков интервал
расстояние до мелодии
за ритмическим рисунком которой
следят со «скорой»
движущейся параллельно
с мигалкой на всех скоростях
запаздывающей на пару аллей но
ведь впереди всегда риск
а позади страх

где-то по третьей линии
бронированный джип киллера
читающего генри миллера
как стрелять
только прицелится
и дёрнется лук
и опустятся руки

пробка

* * *

ты разорвал мне платье
и приложил лёд
ты разорвал мне тело
и наложил швы
ты разорвал мне сердце
и наложил запрет
ты разорвал мне воздух
и шестируко звенишь
ты разорвал обложку
и идёшь гулять
ты разорвал мне фразу
и идёшь как дым
ты разорвал мне букву

но я с тобой
ты разорвал всё сущее
кроме меня

* * *

я не знаю
сколько я смогу держать всю эту остроту
моей кислородной подушки
хватает на девять минут
достаточно для написания маленького стихотворения
а что там есть за пределами
неизвестно
задача выжить совсем не стоит
это оказывается
вовсе не обязательно
если ты подойдёшь ко мне на восьмой минуте
я успею
сделать искусственное дыхание
тебе

14. На лаковых шарнирах

* * *

я и говорю
надоели переводы
с языков тычущейся боли
сгустков крови
напишу роман о жизни тромбоцитов
не цитируй его

я и говорю
совсем уже было пришла в норму
сдала анализы
на уровень безумия на миллилитр
жду результатов

я и говорю
физиология такая смешная штука
я видела
как целовались роботы
соприкасаясь теми участками пластика
к которым были подведены электроды

я и говорю
если бы дело было только
в средневековых сценариях
в поведении непарнокопытных
потных животных
если бы дело было
только в альтернативной музыке
природных аномалиях
движении светил

* * *

и всё-таки волшебный край любви
ты роботообразен
не медузен
все щупальца все нежные слои
убиты кислородом в дикой дозе
но роботы
но роботы ещё
жужжат и движутся на лаковых шарнирах
прощание натянуто пращой
как узкий шрифт войны
пробелы мира

* * *

сама слабеющее утро
прости что я стою в окне
учебник жизни камасутра
как просто быть / не быть извне
бежать стремительно и броско
и сокращаться вместе с тень-
ю непростительная роскошь
спасибо день

15. Не стихи

* * *

граница
между жизнью и литературой
так окончательно стёрлась
что теперь остаётся надеяться
только на то
что я замечу границу
между чудом и не
но пока не вижу
в горле стоит одна и та же субстанция

она и выговаривается
и дышит
предметы расплавлены
жидкости твердоваты
воздух как дым
я и сама знаю
что это не стихи

А мы зачем-то

* * *

мама мыла рану
согласно логике букваря
буквалистов
буря не буря но попросту говоря
ветер неистов

энтропия одна
шатается на корню
остальное вырвано а не много ли
я хочу
сяду в позе скрюченного иероглифа
чтобы это ню
инженю
оболочки твоих молекул трогали

* * *

каждая оса
думает

что она девушка пин-ап
с осиной талией
самое трудное
не ровная спина
а ходьба
где вы видели чтоб осы не летали бы
хуже всего
ей даётся тишина
впрочем
как и каждой женщине
когда она видна
равномерно увеличенной ли
равномерно ли уменьшенной

* * *

мы встречаемся на голубятне
потому что мы голуби
где ещё
мы могли бы поговорить
о литературе
небо над нами огромно
но оно
личное пространство каждого
мы привыкли его уважать
потому и ютимся здесь

а представь
если бы
я готовила тебе
яичницу со скорлупками
это было бы преступлением
против птичьего рода
пенитенциарную систему
ведь никто не отменял

* * *

как много музыки беспомощной внутри
как много гендера снаружи
ты на меня сегодня не смотри
ты слушай
фактурны шороха текстильные лады
и синева гобоя
две паузы упали как плоды
окно воды
стянулось за тобой и
мне снился утренний звонок отца
скорей скорей
но телефон молчащий
вернул меня к звучащей без конца
как свет из чащи

* * *

если ты думаешь
что
я слишком самонадеянна
ты ошибаешься
если и надеюсь
то на осенний свет
рассеянный по полям
больше ни на что
самка иова
приятно познакомиться
горячая и сухая
псевдоладонь
исчезает в руке
пока у меня есть дети
пока у меня нет денег
пока у меня есть небо
пока у меня есть лето
пока у меня есть тело
пока у меня есть ноги
длиннее чем эффективно
для местной ходьбы
пока у меня есть туфли
замшевые цвета мха

пока у меня есть нервы
пока у меня есть тема
я самонадеянна
но
завтра
я потеряю туфли

* * *

смерть не может нас считать попарно
ей трудна двоичная система
исчезание элементарно
доказал блестящий пазолини
это безусловно теорема
пусть включают в школьную программу
это центр но есть периферия
докажи обратное парируй
слишком много новых измерений
слишком много параллельных линий
слишком много согнутых коленей
слишком много парок и эриний

* * *

мама варила борщ

переростку роши
о мама мама
мама говорила
ешь борщ и попробуй быть проще
о мама мама
и люди потянутся
кто эти люди
о мама мама
вереницы паломников на верблюдах
о мама мама
они доро́ги мне
я дорога вдаль
ох ты господи мама
я лежу раздавлена
их следами
о мама мама

* * *

люди здесь
да и я сама
это несущественно
эта структура
гигантский спрут
ты чувствуешь щупальце
это не я

обхватила тебя
за шею
прости
точно в комиксе
глупо барахтаюсь
схваченная поперёк
скользким упругим
третье на ощупь
ищет лицо

есть и другие

* * *

классическая музыка всегда
от неопределённости от нео
спасает нас как талая вода
но с нею
уходят в лес подснежники а мы
колеблемся на стеблях кривоватых
парнокопытные зимы
и падаем
в коробку с ватой

* * *

мы гонщики
ты обогнал на круг
невероятной речи
мне кажется ты жмёшь по встречной
друг
и если дальше так
эй пристегнись покрепче
мы вылетим за грани языка
нас вышвырнет
и вот тогда в кювете
кто будет сплошь вопрос
а кто в ответе
кто просто проваляет дурака
кто будет труп
надеюсь что не ты

я не сбавляю темп
пока
дорогу нам не переходят дети
пока

* * *

я вчетверо сложившийся жираф
весь в выпуклых прозрачностях как прашур
я умываю близорукий прищур
смотри в пятно воды
не надо прав
ни авторских ни транспортных
ты ящер
смотри в пятно

там этот мир развёрнутый не нами
планета дом и даже дно
угрюмой ванны с чьими-то костями
но
но
когда умоюсь захочу убрать я
жирафа в платья солнечный колпак
внушающий
что люди сёстры-братья
то мы и будем
это тоже так

* * *

когда ты задерживаешь взгляд
и лицо застывает на десять секунд
ты вполне земноводное
и как каждая ящерица
вынужден переждать
пока молочная кислота рассосётся в крови
и потом уже двигаться дальше
меланхолия сдержанность
это
наследие динозавров
дарвин не прав
и теологи тоже
не каждый из нас
от гоминидов
некоторые от первоколибри
некоторые от первожирафов
некоторые от первоваранов
первопервоцвётов
первопримул
я имею в виду

* * *

писчей бумаги кафки
и конверта в стиле лу саломе
(они у меня нашлись)
достаточно
чтобы написать письмо
но зачем
тогда пришлось бы объяснить слишком многое
почему звёзды
и почему настолько конвенциональны научные взгляды
почему тьма
и что о ней известно с первоначальной битвы
почему всё
ты не спрашиваешь
ты не ребёнок
я не отвечаю

* * *

бородинский хлеб и есть романская архитектура
но я не хочу
по этому поводу обращаться к лечащему врачу
я сказала себе что стихов больше не будет но вот же они

вылезают как корни проштрафившиеся трудодни
говоришь ты
слишком громоздко
пожалуй иов
в качестве ивы ужас сколько роняю слов
узких на ветер
а ветер стих
не души меня на корню
я стою качаюсь не знаю чем мне ответить дню

* * *

давай устроим демонстрацию в защиту лета
напишем в инстанции дойдём до степеней известных
до известного уровня давай держать уровень света
широколиственные нас поддержат
и тихим смешанным наши надежды на них могут показаться лестны
хвойные займут нейтральную позицию
и вот тогда мы разоружим стратегического лесоруба
нет мы не станем подобны ему не будем действовать грубо
я покажу ему ногу и всего-то а ты вольёшь что-то алкогольное в губы
мы просто ещё не пробовали попытка не пытка а проба
ещё не роба
давай попробуем

* * *

простудилась
просто делась
куда-то устойчивость
и чистые наволочки снятые с бечевы
остались подвешены
слова как вещи но
это ничего
буду с ними на «вы»
ничего
мои ангелы спят вертикально
в переулках проплешины
среди травы
тянут закрасить собой
но балкон мне
говорит
это незаконно

* * *

мы летим в телах как космонавты
в пригнанных скафандрах
воздуха осталось ненадолго

ненадолго

странно слышать выходя в открытый
космос

что не космос это а как будто
некий социум

что висит пред нашей наготою
наготове

требуя зачем-то на скафандры
надевать скафандры

* * *

смазала руки кремом
жду что произойдёт

руки превратятся в лапы
лапы превратятся в лапы
еловые

они качнутся
превратятся в ветер
он превратится в крылья

или

руки превратятся в крюки
крюки превратятся в почерк

почерк превратится в пепел
пепел превратится в ветер
ветер превратится в крылья

* * *

я устала
и мне сегодня ничего не сказать о том как
твид земли
впитывает труд воды
дерево на берегу болтается как котомка
за плечом удаляющегося потомка
да
дым
больше ничего не вижу
какую-то общую жижу
всё упростится не понадобятся наши жи-ши
жители неизвестности галдящие снизу
укрепляют ряды

* * *

он сказал
напомни какой там код
у твоего

подъезда
а я не знала какой именно кот
бродит у моего подъезда
и как найти тот подъезд а он подъезд вообще или подход
или приход
пришествие или
а он сказал
снова ты гонишь в своём сомнамбулическом стиле
вот и поговорили

* * *

колыбель из пледа и сломанной раскладушки
идеальное место для чтения кафки
в скатывающейся безрукавке
без очков ведь они без дужки
пока длится ложная весна
эта ложная сложная весна

заблудившийся зяблик
я свиваю наилучшее ложе
на обложке хвостики яблок
никого нет дороже
я бы вышла за тебя замуж
не раздумывая вышла за тебя замуж

туберкулёз ну и что
мертвецы достойны нашей любви
под балконом незнакомец в пальто
кафка живи

* * *

я не вирджиния вульф
и не смотрю на часы
внутренний мир осы
держит меня на плаву
бабочка чжуан-цзы
грезит о нас наяву
острый укус полосы
жёлтый значит живу

* * *

будто ничего не было и нет но кое-что
независимо от неразличимости
человеческих мигнов
будет
если я налипший на мокрый камень лепесток бархатцев
теряющих то и то
тогда будущее

это какая-то тектоническая категория
может быть пролом в скале и другая реальность
может быть пролом в стене
ты спрашиваешь как переносу горе я
стенаю ли
сатанею

да не
не

с любопытством

* * *

друг чжуан-цзы ловил меня и не поймал
как там спариваются бабочки так и не поняла
бился о потолок о стены и траурная кайма
осыпалась как память
до времени помелá
что ты милый философ
все мы летим ползём
все утыкаемся в высохший чернозём
или размокший до грязи
и если сами не прах
всё же уткнёмся в прах
и братец мой кафка прав

* * *

длиннолицые встречаются обнюхиваются отходят
ищут коротколицых чтобы что-то уравновесить
тонкорукые держатся за крепкорукых
обеими руками
чтобы не упасть с эллипсоида по имени земля
это эллипсоид вращения
чего же бояться
ведь всему предстоит
абсолютно свободное или несвободное падение
римской империи яблоку сорта коричное
лепестку гвоздики
но яблоку негде упасть
лепестку календулы уровню рождаемости / смертности
уровню так называемой жизни
как сказал бы данилов
метеориту градусу интеллектуальной вменяемости
замёрзшему зяблику
запоздавшему к перелёту с этой ложной весной
реснице
шёлковому платью
с шелестом
смятым брюкам

* * *

отправляешь летнее пальто в дальний шкаф
а лето не кончается
отправляешь нательное пальто в дальний шкаф
телесное пальто в верхний шкаф
а оно вылезает сквозь щель между дверцами
простирается далеко
заполняет всё
добегает до горизонта но чьё оно
неужели твоё
глаза не знают
они полагают ты как раз горизонт
то куда бросишь взгляд
то и ты
отступающее «я»
ты (то есть я)

* * *

я заметила моё лицо
нравится тебе больше текстов
бледное и прозрачное
это одно и то же

ты и без текстов видишь устройство мозга
напрямую
сквозь черепную коробку
видишь и проводки лицевых нервов
бегущий сигнал
красота же оптический эффект
она ни в чём
с ней ничего невозможно сделать
(взять её и т. п.)
и с поэзией ничего невозможно сделать
а мы зачем-то

* * *

когда шива средней руки
срезал мне каблук
у меня
вылупились крылья
но понизились
ожидания
от себя
я решила что больше не буду
перешагивать здания
лучше буду беречь
офисных служащих
например

переносить через лужи их

когда шива среднерусской реки
срезал мне каблуки
став возвышенным
необъяснимо
я ведь даже не пикнула
глупо быть ранимой

легла равниной

* * *

карандашная весна распускалась на всех парах
[забивая лепестками кажется поры мира]
на бумаге для акварели
я была обязательством не имея прав
ведь они сгорели
в танке у которого мазутная течка
ничего тут нельзя
сдвинуть как комод бальзаковский неподъёмный
этот мир временный
на полминуты
на полчаса
мы наёмники мир внаём но
ты действительно милый

прах

* * *

забыла про яблоки
с древа познания добра и зла
лежащие в холодильнике
слегка подпорченные
с бочком
что делать
таково познание
качнусь в гамаке подвешенном меж миров
загляну в кафкианский замок
раскушу червяка

* * *

одинокость так бессмысленно
но всё-таки честно
и хотя это так
сколько живу
но я до сих пор
в одиночестве не мастак
я даю мастер-классы
по выжженному одиночеству

и экзистенциальному
я даю
даже фору иным фортунам
покачивающимся на краю
но
я не мастер
я только фломастер
без сертификата
и чёрного пояса по хау-ду-ю-ду
и квитанцию на оплату
в этом хаосе я не найду
за солнечный свет
за поклею лесных обоев
засыпающий снег
заливающий дождь

от стремящихся нет отбоя
а себя
пожалуй и не найдёшь

* * *

травы импрессионистов
а я
забыла позавтракать
разденусь и

вываляюсь в светотени
ветер неистов
падалица
в завтра как
быстро скатываюсь
и упираюсь в стену
длинное солнце
это послание для тебя
нечеловеческая
красота контраста
между упрямой зеленью
тянущейся для
контрафактную
нежность
и перевёрнутой колбой неба
оно бесстрастно

* * *

приснилось что после смерти
люди не уходят
а превращаются в игрушки
чьи-то родители
это плюшевый медведь и кукла
да
мы остаёмся

в гроб
кладут не кого-то а что-то
в последний момент
так положено
таков ритуал
похоже в землю опускают землю
когда бросают землю на крышку гроба
легче всего понять
что она и внутри
кем
ты
будешь
я йо-йо
ведь и сейчас то приближаюсь
то удаляюсь
наверное можно выбрать
кем ты будешь
впрочем дети
играют любым предметом
абсолютно любым

Сны-синицы

* * *

Нелепый день. Мне смысл его не виден.
Он ни единым знаком мне не выдан.
Шпионы спят, набравши в рот воды.
Пришла зима, похожая на осень,
и вещи – точно брошенные оземь
озябшие плоды.

Пришла зима, похожая на осень.
Колёса надеваются на оси,
как встарь, но только катятся – куда?
Открой же эту книгу посредине:
там я стою челюскинцем на льдине,
кругом – вода.

Там я стою челюскинцем на льдине
с улыбкою раззявы и разини
и лестницей верёвочной в руках.
Она упала из незримой точки,
и я не знаю, кто там – вертолётчик

иль ангел – ждёт рывка.

И я не знаю, кто там – вертолётчик
иль ветер – крутит облачные ключья.

Крошится льдина, точно скорлупа.

И ледоход на появление птицы
похож, на гибель сна под колесницей.

А я стою, медлительна, глупа,
и лестницу из пальцев выпускаю...

Университет

Вот сеятель-дворник, сыплющий из рукава
песок, превращающий Москву в Сахару.

Сахара к чаю нет. Раскалывается голова.

В прошлом веке сахар кололи щипцами, держали пару
лошадей. Я не запомню несколько странных и иных слов
о том, как Жак и Ресю благополучно вышли из дома.

Я засыпаю среди сахарных и городских голов,
подталкивая ногой два холодных щедринских тома.

Мне снится и сеятель-дворник, делающий пески
в Москве, и статуя, превращающаяся в красильщика фа-
сада

при движеньи. Экзамен сдан, и уже не надо
ни «прогуливаться вдоль решётки», ни «замедлять шаг»,
ни «сжимать виски».

Разбуди меня среди ночи – и я честно расскажу тебе всю

лексику за семестр: я не ела шесть дней, Анна идёт к вокзалу,
она уезжает в Париж. Мама же ей сказала:
держись прямо, поддерживай себя сама и ищи Ресю.
Жак и Ресю (и, может быть, Анна) жили в Париже, о боже мой,
но перед тем и после – всегда – в маленьких городах и сёлах.
«Экскурсия показалась им интересной и весёлой.
Усталые, но довольные, они возвратились домой».

* * *

сны-синицы во мне теснятся
вот проклюнутся и приснятся
тихо выпадут из груди

превращаясь в кольцо обнимки
провалюсь их опередив

день как вспышка от фотоснимка
разорвавшийся апельсин
я на опеле мчусь по льдине
ты на трещине ты один

* * *

Я обернусь, и что-то за спиной
смутит меня невинностью порядка.
Как бы не так, здесь умысел двойной,
здесь в воздухе невидимая складка.
Опять шмыгнёт, дыханье затаит
вчерашний ёж со странными ушами,
и легче мне, что страх имеет вид.
Пусть поживёт за нашими вещами.
В прозрачных стенах движутся зверьки,
как будто рыб подводные течения.
Здесь мысль и плоть тождественно легки,
пространство здесь утратило значение.
И если утром встанешь, чтоб смахнуть
пыль со стола, сомнёшь в воображеньи
тот странный мир, по полировке путь,
оставленный тебе как приглашение.

* * *

Я знаю: истина проворно
бежит иголкою в стогу,
и грубой сетью стихотворной

её схватить я не смогу.
Но там, где исчезает тело,
где закругляется земля,
она лежит, как парабеллум,
забытый в ящике стола.

* * *

Я прошу твоей нежности, у ног твоих сворачиваюсь клубком,
превращаясь в зародыш и уже с трудом поворачивая языком.

Я мельчайший детёныш в подмышке твоей, не раскрой же крыла,

чтобы я, пока не согрелась, упасть из него не могла.

Я дремучая рыба, не успевшая обзавестись хребтом,
бесхребетная бессребреница с полураспоротым животом.

Не удерживаюсь, переваливаюсь по ту сторону твоего хребта,

за которой – вселенская тьма, космическая пустота.

Не покинь меня, вынь меня из толпы, извлеки на свет,
прочитай по мне, что с нами станет за миллионы лет,
проведи по мне. Я – это сборище дупел и выпуклых местностей,
новостей, для слепого самый лучший текст.

Приложи ко мне раковину ушную, послушай шум
всех морей и материков, приходящих ко мне на ум,

всех тропических стран, всех безумных базаров, клокочущих слов,

всех цикад и циновок треск, звон браслетов и кандалов.
Я бескрайняя ткань, можешь выбрать любую часть —
пусть я буду выкройкой тем, кто потом попадёт под твою власть.

Я люблю их за то, что у них будет запах твоего тепла.
Я ненавижу их! Я погибаю от подкожного рассыпавшегося стекла.

Скажи мне, что я птенец, что ты не отнимешь меня от своей руки,

скажи, что мы будем жить на берегу никому не известной реки.

Мы станем сходить на дно и снова всходить из вод,
мы станем немые для всех, как рыбы, и невод нас не найдёт.

* * *

когда деревья вырастут травой
мы возвратимся в старые дома
и прежней жизни почерк перьевой
увидим в тяжких сплюснутых томах
ещё трещит ошибок сухостой
ещё звучит догадок перезвон
и только радость истины простой
исчезла в шуме брошенных времён

сбежим в поля и медленно войдём
в пустые мазанки где шорох и сквозняк
но мы и там ответа не найдём
но мы и там не встретим верный знак
и на пути из пажитей в тайгу
и на пути из прошлого на свет
мы ощутим звериную тоску
в глуши себя в глуши бездонных лет

* * *

Маленький Моцарт, отравленный злом,
спи безмятежно в бокале своём,
в утлой каморке, в доме под слом,
пахнущем мышью и болью-быльём.
Спи, как в бутоне сухая пчела,
вечный ребенок, не помнящий зла.
Спи, как в шкафу заспиртованный кунст,
спи, как под снегом сломанный куст.

* * *

опять автобус изменил маршрут
и засыпая замечаю
что декорации уже не врут

а добросовестно ветшают
они не дерево и не трава
и чем обман наглей и очевидней
тем легче всем и легче выдавать
сон летаргический за сон невинный

* * *

Я – это бабочка, проколота насквозь
в темечко. Кто-то колеблет огромный гвоздь.
Я – это вешалка со сломанными плечами
в темноте, и нет никаких сил
наблюдать за падающими вещами.
Если бы ты меня расспросил,
я б, может быть, осмелилась и сказала,
что устала до тошноты от зала
вечного ожидания, от мучительной суеты.
Если бы ты...
Я твоя победа,
прикреплённая цепью, почти Андромеда.
Ты не едешь, а я с места сдвинуться не могу.
Я крошусь на руке, превращаясь в старуху-труху.
Я заколота насмерть английской булавкой.
У тебя всё уловки-дела,
у меня нет ни дел и ни сил.
Принимаю таблетки обид и любые поправки

на течение лет – и сметаю кусочки крыл.

* * *

Когда единственная жизнь
идёт, меня не замечая,
легко, на цыпочках измены,
когда ей нравится любой,
а я сижу в оцепененье
за чашкой выцветшего горя
или в авто самоповтора
сжигаю вязкую любовь:
когда, не выдержав печали,
хочу всё бросить, потерять,
рассыпаться, – она, как мать
усталая, после работы
приходит, говоря: «Ну что ты...»

* * *

Я пробую на ощупь языка
щепотку жизни с примесью удачи.
Весы в починке, и Фортуна плачет,
и тушь течёт ручьем из-под платка.
А у Венеры валится из рук

ее очаг, милосское хозяйство,
и до того томительно вокруг,
что лучший путь – разврат и разгильдяйство.
Здесь все слепцы – Фортуна и Гомер.
Но нужно ткать и забывать о старом.
И доставаться варварам, пожарам,
но доживать до новых эр.

Концерт

Органистка, хрупкий архангел, танцующий сонно.
Если бы ты попадала
в жёлтые листья, выпавшие во дворе, —
Бах бы с лёгким сердцем выдал тебя за Мендельсона
в следующем сентябре.
Ты же наступаешь в лужи-коды, заученной гаммой
заметаешь следы, и каждый пройдоха
тебя боготворит.
А на самом деле почва
расступается у тебя под ногами.
Подожди, оботри лучше трубы,
они такие пыльные
изнутри.
Пальцы тебя не слушаются, сбегают лестницей старого до-
ма.
Ты боишься к нам обернуться,
подлог прикрываешь спиной.

Эх, хозяйка медной горы, сборщица металлолома,
ну протруби!
Сделай же что-то со мной.

* * *

В забытом доме зреет бунт вещей.
Ты этот день поправить и не пробуй.
Разбилась чашка с радостью и злобой,
и свитер разошёлся на плече.
Повсюду дышит ужас нелюбви.
Раскрой окно и Расскажи предметам,
как женщины в оранжевых жилетах
играют жёлтой горкою листвы.

Брейгель

Едет сонный ребёнок, самое непутёвое дитя,
сановитый сановник, пространство превращающий в пу-
стык
с помощью папы-рикши. Острые колени проваливаются в
снегу,
сумерках; сталкиваются с собаками, зевающими на бегу.
Всё одето в саван, рельсы трамвая занесены.
А ребёнок, проезжая под соснами, видит странные, ста-
ринные сны:
будто шапка отца заломлена, в складках пыль, у пояса рог,

следом туша оленя, а сын деревянным коньком рассекает
каток.

* * *

Я пробую в игольное ушко
вместить судьбу, как маленькую лошадь
в квадратный, нарисованный хомут.
И всё же он остался нулевым,
как форточка. И лишь цветок герани
кричит в окне: «Невыносимо мне!»
Мы шевелим беззвучными губами.
Случайна жизнь, и только в слове память.
Как тяжело молчание пути.
Но верю я, что внутренняя площадь,
где мы чутки, сдвигается и лошадь
поскачет легче, горечь отпустив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.